

лась подъ столъ и оттуда испуганно смотрѣла на него. Корневу вдругъ сдѣлалось ужасно стыдно.

— Скотина!—выругалъ онъ себя почти вслухъ.—Чѣмъ же другіе виноваты, что ты такой мерзавецъ!

Онъ не докончилъ обѣда и ушелъ.

Дыхляевъ очень удивился, увидѣвъ Корнева.

— Случилось что-нибудь?—спросилъ онъ тревожно, приподнимаясь съ постели.

— Ничего не случилось,—оборвалъ Корневъ рѣзко.

— Что-же вы такой?

— Какой?

— Невеселый...

— А чему веселиться прикажете? ну-ка!—спросилъ Корневъ злобно.

Дыхляевъ замолчалъ и началъ готовить чай, а Корневъ взялъ какую-то книгу и смотрѣлъ въ нее, ничего не видя. Ему хотѣлось рвать на себѣ волосы, биться объ стѣну. Господи, какой онъ, въ сущности, скотина! За что обрываетъ онъ такъ безжалостно этихъ добрыхъ людей?

Дыхляевъ приготовилъ чай и вопросительно посмотрѣлъ на гостя.

— Посылай!—пробормоталъ Корневъ злобно,—отвертываясь къ стѣнѣ. «Скотина! тряпца»!—ругалъ онъ себя, стиснувъ зубы.

На столѣ появился полштофъ, тарелка соленыхъ огурцовъ и нѣсколько ломтей черного хлѣба.

— Самая учительская закуска. У другихъ тамъ и рыбка, и сыръ, и колбаса, а съ насъ, братъ, и этого достаточно,—говорилъ Дыхляевъ, откупоривая бутылку.

— Ну?!

Корневъ молча взялъ рюмку и выпилъ. И чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ свѣтлѣй становилось у него на душѣ, тѣмъ ничтожнѣй казалось его горе.

— Что значить мое горе, мои страданія въ сравненіи съ моремъ мірового общечеловѣческаго зла?—философствовалъ онъ передъ Дыхляевымъ.—И почему мнѣ не пить? Не все-ли равно человѣчеству — будетъ-ли единица, называемая Корневымъ, трезва или пьяна, какъ... какъ ты, напримѣръ?

— Вѣрно,—подтверждалъ Дыхляевъ:—я давно это говорю. Вотъ и Бояль тоже говорить, что единичная личность ничего не значить...

— Ну, теперь идемъ ко мнѣ,—пригласилъ Корневъ, когда на столѣ остались лишь обѣдки огурцовъ да пустая бутылка.